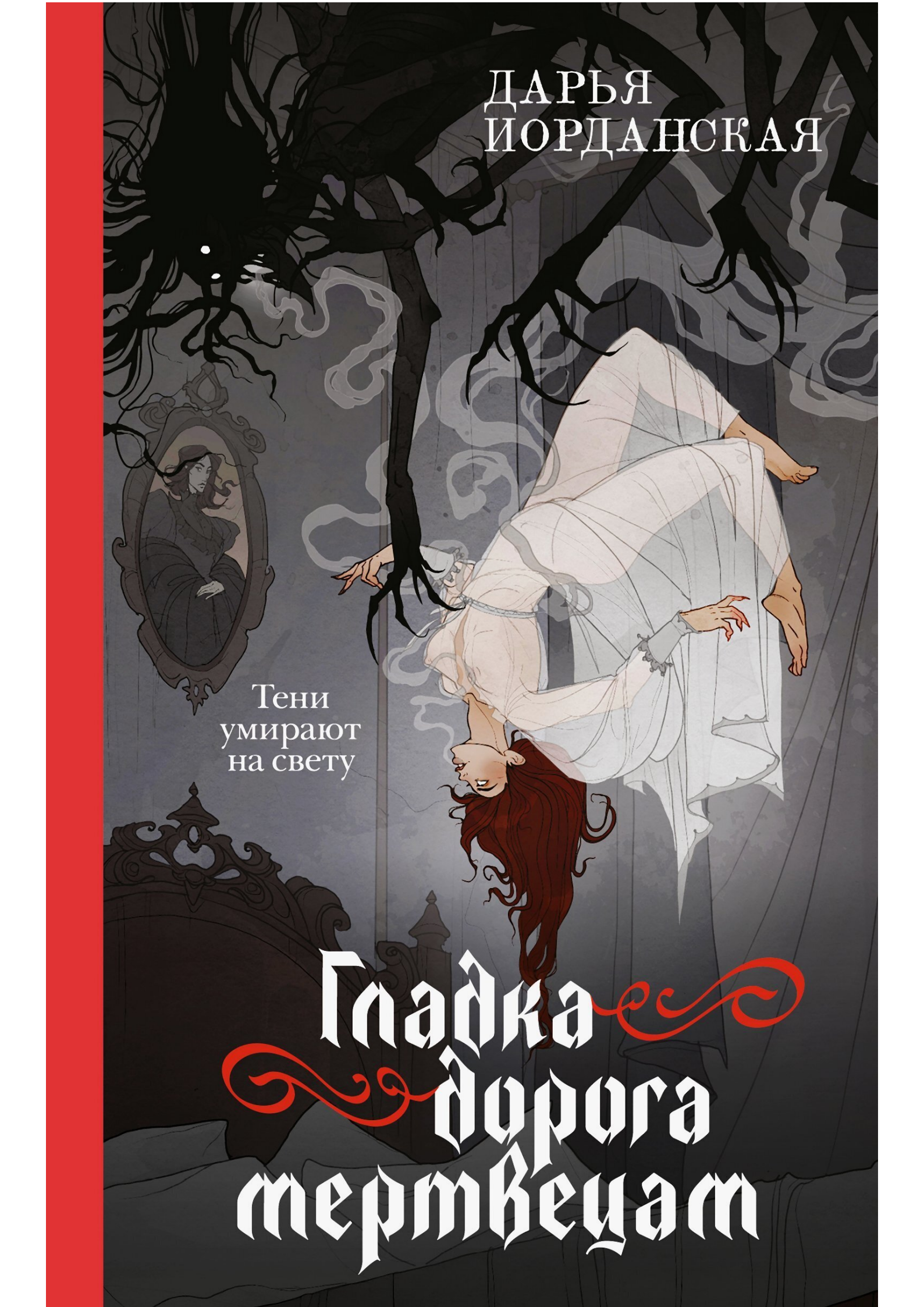

The book cover features a dark, atmospheric illustration. A woman with long, flowing red hair is depicted upside down, wearing a white, translucent, ethereal dress. She appears to be floating or falling. To her left, a dark, gnarled tree branch hangs down, with a small, glowing white eye-like shape in its hollow. Below the branch is an oval mirror reflecting a woman in a dark, gothic-style dress. The background is a dark, swirling mist. At the bottom, there are dark, ornate architectural elements, possibly part of a tomb or a castle. The overall mood is mysterious and gothic.

ДАРЬЯ
ИОРДАНСКАЯ

Тени
умирают
на свету

Гладкая дорога мертвецам

Призрачный след: новый мистический детектив

Дарья Иорданская

Гладка дорога мертвецам

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иорданская Д. А.

Гладка дорога мертвецам / Д. А. Иорданская — «Эксмо»,
2026 — (Призрачный след: новый мистический детектив)

ISBN 978-5-04-253257-3

Заключительная часть готического детектива об английском джентльмене, который в компании с язвительным чернокнижником и гувернанткой-медиумом расследует исчезновение собственной жены и сына! Душа Элинор Кармайкл в компании сумасшедших сестричек заперта в Лимбе, зыбком мире между жизнью и смертью, а ее телом завладела чужая воля. Пока Дамиан Гамильтон ищет способ вернуть девушку, его брат Грегори и ведьма Федора Крушенк пытаются остановить древнее чудовище Кенло, которое прорывается в этот мир. Им предстоит проникнуть в закрытую женскую школу, узнать страшную правду о природе дара Элинор и наконец вернуть маленького Джеймса Гамильтона домой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253257-3

© Иорданская Д. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дарья Иорданская

Гладка дорога мертвецам

© Иорданская Д. А., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава первая

Чай с ромашкой, ее любимый, был подан в изящном, розами расписанном фарфоре, таком тонком, что он просвечивал насквозь. В хрустальной вазочке – джем. В корзине на льняной салфетке – мягкие, еще горячие сдобные булочки. Элинон провела пальцем по кромке чашки, ощущая странную ее вещность. Чашка была настоящая. Скатерть и запах масла и клубничного джема – тоже. Разум пытался спорить, пытался убедить ее, что все вокруг выдуманно, но невозможно было противостоять странной, почти неколебимой уверенности: *все* кругом настоящее. Разве что самую малость неправильное.

Шармила сидела напротив, прямая, держа невероятную осанку, которой бы позавидовала и сама королева. Память Элинон все еще была подернута туманом, но вот Шармила вдруг вспомнилась отчетливо, всегда такая же уверенная в себе, такая же гордая и степенная. Волнами расходилось от нее ощущение покоя и какой-то возвышенной жути.

– Рада, что ты нас навестила, Эли, – сказала Шармила. Сейчас у нее куда лучше получалось изображать человека, только губы иногда шевелились не в такт да глаза оставались пугающе неподвижными.

Она ни слова не сказала о том, что Элинон останется в этом зазеркалье навсегда, и за это следовало быть благодарной.

Элинон сделала еще глоток чая, снова провела кончиком пальца по кромке чашки, рождая удивительно музыкальное гудение, и опустила чашку на блюдце. Нистра сидела слева, устроившись в кресле с ногами, и особенно сильно походила на избалованную и дурно воспитанную дикарку, шаловливое дитя.

Опасное дитя.

– Есть для меня способ выбраться отсюда поскорее? – спросила Элинон Шармилу, игнорируя недовольные гримасы Нистры.

– Сейчас та сильна, – качнула головой тетушка. – Сильна безусловно, по-настоящему. Забрать тело назад у тебя так просто не получится. Придется ждать, пока она не утратит контроль каким-либо образом.

Да, Нистра говорила то же самое. Солнечный удар или же удар совершенно физический, реальный, по голове. Элинон была против, ведь то было ее собственное тело и внутри хрупкой черепной коробки жил ее собственный мозг.

Хотя что тогда сидело в этом странном, искусственном, насквозь воображенном мире и пило ромашковый чай? Душа? Элинон попыталась вспомнить, что говорил о душе отец, но, как оказалось, в ее памяти ни единого слова не задержалось. Кажется, его вообще не волновали подобные вещи. И как только он мог столько лет служить викарием, а потом еще судебным капелланом? Маловато в нем было благочестия для священника. И веры тоже.

– Иных способов нет? – поинтересовалась Элинон, втайне сожалея, что не имеет ни малейшей склонности падать в обморок. Ей бы сейчас пригодилась эта женская добродетель, воспетая современной молвой. Очень хотелось, как героини нынешней литературы, чуть что, вопить и терять сознание от ужаса, стыда или избытка сильных чувств.

– Ты можешь забрать чье-нибудь тело, – предложила Нистра одновременно с неохотой и воодушевлением. – На время. И там уже разобраться, что сделать.

Элинон представила себе это и содрогнулась от острой неприязни.

– Нет, – сказала она, мотая головой. – Не хочу. Не могу.

– Ты – да не можешь?! – Нистра хихикнула. – Хорошо, попробуем что-то другое... Гм...

Она выпрыгнула из кресла и, схватив с тарелки пончик, принялась обходить кругами стол. Пончик она ела жадно, не тревожась о манерах – манер у Нистры и вовсе не было, – и по подбородку тек джем.

– Можно попробовать присниться кому-нибудь, – предложила она, когда пончик был доеден, – и попросить помочь изловить твоё тело. Желательно, конечно, сноходцу, но они встречаются так редко... Сновидцы тоже подойдут, у них бывают осознанные видения. Ведьмы... нет, с ведьмами трудно. Ведьмы, кажется, вообще сны не видят, кроме вещего бреда. Да и к тому же, никогда не знаешь, что ведьма запросит с тебя за помощь. Нет, только не ведьма.

Элино́р покачала головой с сожалением. Единственный человек, которому она, не задумываясь, доверилась бы, не спал вообще и снов не видел вовсе.

– Тогда и не знаю, чего тебе предложить, Эли. – Нистра расплылась в довольной улыбке, её несказанно радовало то, что Элино́р застряла на неопределённый срок в этом странном, безумном месте.

Остаток чаепития прошёл в молчании. Настроение Элино́р окончательно испортилось, и всё словно подыгрывало ей. На скатерть ложились неприятные мертвенные тени. Чай горчил, а от запаха ромашки хотелось чихать. Джем, брызгавший из пончиков, которые жадно ела Нистра, казался кровью, стекающей по белой коже девушки и её кружевному платью.

Наконец, отодвинув чашку подальше от края, Элино́р поднялась и подошла к окну. Возле него она и замерла, обхватив себя за плечи, пытаясь согреться. Её физическое тело было там, в реальном мире, с ним же была и шаль, которую не-Элино́р, может статься, уже уничтожила. Элино́р не хватало той шали, а ещё больше не хватало дружеских объятий. Всю жизнь она была достойной молодой леди, хорошо воспитанной и не позволяющей себе вольностей. Она была скромной и добродетельной, не шла по пути стяжания, не думала о лишнем. У неё никогда не было друзей и сердечных привязанностей, которые губили в романах молодых девиц. А вот сейчас ей представлялся Дамиан, прикосновения его холодных рук. Они в первое мгновение наводили на неприятные мысли о мертвецах, а потом вдруг оборачивались чем-то удивительно надёжным. Оберегом. Спасательным кругом. Веревкой, не дающей воздушному змею улететь в небо. Элино́р жаждала этих прикосновений, мечтала о них, почти ощущала их и должна была стыдиться своих тайных желаний, ведь следом за простым касанием представлялось и нечто иное, более интимное. Но стыда не было. В конце концов, сказала себе Элино́р, жажда близости, телесной и духовной, – естественная человеческая потребность. Нельзя стыдиться того, что естественно. *Стыдно* себя стыдиться.

– Ты такая же, – разочарованно протянула Нистра. – Вот, возьми. Шармила сказала, что это должно сработать.

В руках у неё лежало небольшое бронзовое зеркало, очень древнее, успевшее покрыться патиной. Узор на нём был различим с трудом. Кажется, что-то связанное с богиней Венерой. А кого ещё изображать обнажённой?

Оборотная сторона, несмотря на почтенный возраст, сияла и отражала лучше иного современного зеркала. Элино́р даже поймала себя на странном ощущении: она куда реальнее в том отражении, чем здесь, среди пыли и подобия вещей.

Зеркало было тяжёлым и холодным.

– Попробуй с его помощью ходить по снам, – старательно глядя в сторону, сказала Нистра. – Оно, как это?.. Фокусирует. Может, и достучишься до кого, передашь весточку. Узнаешь чего...

И, развернувшись на каблуках, она ушла. Спина, прямая, но не утонченно-величественная, как у Шармилы, а точно палку вставили вместо позвоночника, весьма красноречиво говорила: ты меня обидела. Элино́р не могла понять, чем именно, да, честно говоря, и не хотела в том разбираться. Она помешкала, подняла зеркало повыше и взгляделась в его загадочные, полные туманов глубины.

* * *

Федора плохо знала город. Она была дитя полей. Там, на свободе, ей дышалось вольно, а стиснутая высокими каменными домами, она невольно начинала паниковать. И дорогу она не видела. У местных – что воров, что колдунов – было множество примет, по которым можно было проследить путь. Были места, в которые не следует заходить. Были тайники, способные сохранить, защитить, уберечь. Но все это – не для Федоры.

Она бежала, подобрав юбку, проклиная современную моду. Преследователи дышали в спину. Они не были материальны, лишь тени, скользящие во тьме. Ночь наступила, их время; тьма сгустилась, на город надвинулся туман, и в порубежье он оказался особенно плотным и страшным. В прошлый раз, выйдя в город, Федора ненароком забрела в места, о которых ничего предпочитала не знать. Сейчас ее положение было еще хуже.

Федора бежала и перебирала в памяти различные способы ворожбы. На ум, как нарочно, приходили одни только сказки: о тропах фей, дорогах Старых Богов, о лазейках между тем миром и этим, какой бы смысл ни вкладывался в сами эти слова, в само понятие «мира». О тех, кто умеет оборачиваться туманом или птицей, становиться невидимым. О стезе мертвецов, пути, которым следуют мертвые к месту своего упокоения. Там одни лишь тени и тлен, туда мало кому удастся попасть, и там по-своему безопасно. Она неоднократно слышала эти сказки от подруг, пока еще, соблюдая смешные чуждые ей правила, ходила на сельские собрания, гордо называемые шабашем. Там не устраивали разнузданных оргий, не целовали дьявола в зад – дьявола там и не было, как не было его вообще; не жарили на адских углях младенцев и не отчитывались о сделанных за год мерзостях. Только сплетничали и рассказывали сказки. О живых мертвецах, о вампирах и демонах, о силах значительно выше понимания любой ведьмы. Хотела бы Федора, чтобы хоть что-то из всего этого было правдой. Тогда у нее появился бы призрачный шанс на спасение.

Она никак не могла уйти от реки. Улицы путались, дорога под ногами завязывалась узлом, все время возвращая ее к одному и тому же месту. К Кенло. Попервоначально это была лишь догадка, Федора думала, что просто заблудилась в незнакомом месте. Потом она решила – город водит ее. А потом как-то внезапно осознала, что реальность до того истончилась, что она попросту провалилась в чужой мир. Как Элинон в тот раз, проводящая их своими пыльными коридорами.

Дорога снова привела ее к складам, и Федора сдалась. Она остановилась, тяжело дыша, прижимая руку к боку, в котором кололо и резало, словно там свернулся калачиком ёж. И тогда Кенло вышел из темноты.

Его нельзя было спутать с человеком, хотя он все еще носил облик Лауры Гамильтон. И не в свечении было дело, в другом. Кенло был бездной, дырой, адской воронкой, на дне которой вопреки всему рождался свет. Но этот свет не грел, а сразу сжигал всякого, кто посмеет приблизиться.

Федора распрямила плечи.

– Ты смелая, – с неожиданной радостью сказал Кенло. – Мне попадались сильные противники, но смелые – пару раз, не больше. Была одна девчонка... как я жаждал вгрызться в ее сладкое нутро! Она была в точности как ты: наглая. Пришла и потребовала, чтобы я вернул то, что ее. Представляешь! Она считала, что в этом мире хоть что-то принадлежит ей! Я ей предложил обменяться: Леру на нее. Благородно, не так ли? Нечестная сделка, конечно, на что мне порченная кровь? Но я предложил, а она, паршивка, не стала собой жертвовать. Смелая и себялюбивая.

Кенло много говорил. Федоре подумалось, он любит звук своего голоса. Сейчас звучал его собственный голос, не Лаурин, и мурашки бежали от него по коже.

– Ты тоже смелая и себялюбивая, ведьма Федора Крушенк?

Федора ухватила за имя. Леру. Не самое распространенное имя, и едва ли это совпадение, что человека, который послал ее к Гамильтонам, зовут так же. Барнабас Леру прожил долгую жизнь и, может статься, жив до сих пор. Некоторых смерть почтительно или же опасно обходит стороной. Значит, можно как-то сладить с Кенло. У него должны быть слабые стороны. У всех они есть.

Федора щекотки боялась.

Кенло – солнечного света, но до утра далеко, и Федора не может, точно сказочная героиня, загадывать до рассвета загадки и ждать, пока тролль обратится в камень. Значит, нужно придумать что-то.

Федора смотрела в Кенло, в глубокую темную бездну, на дне которой мерцает нечто по-настоящему ужасное, и прикидывала варианты. Огонь? Нет, едва ли. К тому же, огнем надо уничтожить физическую оболочку, а то, что стоит перед Федорой, – самая суть.

Что еще может сравниться с солнечным светом?

Ничего.

Федора прикрыла глаза. Даже сквозь закрытые веки пробивалось свечение, нагоняя страх, вселяя ужас. Федора была против чудовища беспомощна. Она даже с Дженет Шарп не могла толком справиться, а ведьма, пусть древняя и могущественная, совершенно точно была человеком.

Но та девчонка, она же выжила. А иначе Кенло не говорил бы о ней с такой голодной тоской, с таким вожделением. Что она сделала? Что сделала бесстрашная и себялюбивая девчонка?

Свет, составляющий потайную суть Кенло, холодный, чуть зеленоватый, не то чтобы мерцал, а словно удалялся и приближался с равными промежутками. И что-то напоминал Федоре, что-то грандиозное, виденное ею очень и очень давно.

Федора зажмурилась еще крепче, пытаясь вспомнить, но на ум так ничего и не пришло. Только крутилось, крутилось что-то в голове, ворочалось, скользкое, точно угорь. Мысль эту никак не удавалось поймать за хвост.

Леру. Барнабас Леру. Мертвый шептун, из-за которого Федора оказалась в Лондоне.

Было глупо и, пожалуй, самонадеянно, но она воззвала мысленно к Леру, напомнив: «За тобой должок. Я свою часть сделки выполнила. Я помогла Гамильтонам, как сумела. Теперь твоя очередь». Никто ей, конечно, не ответил. Федора даже не могла быть уверена, что Леру считает себя ее должником. Заклучая любые соглашения с существами подобного рода, следовало действовать по четко очерченным правилам, Федора же просто понадеялась на помощь.

Кенло шевельнулся. Глаза все еще были закрыты, и Федора не знала, собирается ли он наброситься на нее или же только подбирается поближе. Ему явно нравилась игра в догонялки, но рано или поздно Кенло должен был утратить терпение и сжечь ее своим светом дотла.

Остров Лилий, всплыло вдруг в памяти Федоры. Крошечный островок неподалеку от Салерно, личные владения семейства Буканеве, оваянная легендами, и весьма жуткими. Зеленая трава, усыпанная звездочками первоцветов. Волосы Артемиды – красное золото – разметались по траве, она лежит, запрокинув голову, юная и совершенно волшебная. Подле нее Федора ощущает себя галкой рядом с горлицей. И все же в этот момент они подруги, и самые близкие,веряющие друг другу глубинные девичьи тайны, вроде первой любви и удачного заклинания. Как давно это было! Что случилось с ней? Жива ли или навсегда погребена в памяти? В роду Буканеве много тайн, и семья эта сторонится обычных ведьм, даже смотрит на них свысока. Но когда-то они были подругами, и те далекие дни вспоминаются неожиданно ясно. Как Федора ложится рядом и слушает рассказ о Гвидо Скуро, чудовище семьи Буканеве, о том, кто построил на этом острове и дом, и маяк, и обсерваторию, чтобы наблюдать за звездным небом. Небо над островом грандиозно. Оно цвета индиго, все усыпано искрами и кажется

совсем-совсем близким. А потом Артемида вскакивает, тянет Федору за собой вверх по скалам, к округлому куполу, построенному из того же серого камня, сливающимся с окружающим ландшафтом. К телескопу, последнему приобретению ее отца. И Федора приникает к окуляру, думая, что телескоп у Марко Буканеве такой же необычный, как дочь, супруга или история его странного, то ли проклятого, то ли благословленного рода. А где-то совсем рядом, руку протяни, крутятся спирали, составленные из звезд.

Совсем как в сердцевине Кенло.

Совсем как в глазах чудовищ, о которых рассказывала Элинон Кармайл, а Федора в самонадеянности своей ей тогда не поверила.

Элинон когда-то удалось сбежать, прыгнув в эту звездную спираль. Получится ли такое у Федоры?

ПРЫГНИ И УЗНАЕШЬ.

Голос, прозвучавший в ее голове, оказался удивительно плотским, осязаемым, болезненно острым, словно на нее обрушились острые осколки, рана, проникая под кожу. Голос уже отзвучал, а боль осталась.

Федора узнала этот голос и улыбнулась через силу. «Благодарю, мистер Леру. Я была на ваш счет несправедлива».

И, решившись, она прыгнула, бесстрашно, бездумно, в себялюбивом желании спастись. В пекло. В горнило. В самое сердце звезды. Иногда лишнее, в неурочный час подброшенное полено вызывает пожар. Кенло вскрикнул, сперва от неожиданности, затем, кажется, от боли. И Федора закричала, потому что огонь горел нестерпимо жарко, опаливая ее, а она все падала и падала в пламя.

Пока не выпала в привычную, сырую, дурно пахнущую реальность лондонских трущоб. Полуголая, в обрывках платья, вся в ожогах. Поднялась, цепляясь за замшелый камень, привалилась голым плечом к холодной влажной стене. Кенло рядом не было, оставалось только надеяться, что он тут скоро появится. Сейчас, после этого безумного прыжка в никуда, Федора не в состоянии была что-либо сделать. Она и ноги-то переставляла с трудом, стараясь не думать о том, как выглядит со стороны. Мудрые Старые Боги, что таятся в тени, не допустят, чтобы ей по дороге попался констебль или какой-нибудь доброхот, что решит доставить раненую женщину в больницу. Федора шла, медленно, с трудом переставляя ноги, одну за другой, чувствуя себя окровавленным куском плоти, оголенным нервом. Плечо наждаком продирали шершавый камень стены, от которой Федора все никак не могла оттолкнуться. Туман, благословенный туман скрывал ее, прятал от нескромных взглядов, от желающих помочь, охлаждал раны. Федора шла. Шла. Шла.

Она вскарабкалась на знакомое крыльцо и только тут окончательно потеряла силы. Последнее, на что у нее их хватило, – надавить звонок, отозвавшийся резкой трелью. И тут Федора рухнула, провалилась в обморок и, конечно же, на каменные ступени.

* * *

– Мистер Гамильтон! Мистер Гамильтон! Там... – Алессандра запнулась на мгновение. – Там мисс Крушенк.

На вкус Грегори, в этом ничего удивительного не было. Ведьма прочно обосновалась в их доме, в коридорах уже появился ее особенный запах: олифа и полынь. Она ухитрилась даже проникнуть в его мысли, и не раз за сегодняшний день Грегори ловил себя на том, что вспоминает неожиданную гладкость кожи под пальцами и то, какое великолепное тело скрывается под неряшливой, мешковатой одеждой. Она с легкостью проникла в его жизнь, что, впрочем, совершенно нормально для ведьмы.

– И что с мисс Крушенк? – спросил Грегори, пролистывая очередной том дневников Джошуа Гамильтона, без особой надежды найти в колких ремарках деда хоть что-то полезное в их нынешней ситуации.

– Она у дверей, без сознания.

Грегори выругался, отбросил книгу и выбежал из комнаты. Алессандра едва поспевала следом за ним, бормоча оправдания, что они с Пегги боятся прикоснуться к ведьме, которая так изранена, что... Грегори просто не слушал. Без сознания. Преследовала ту, ненастоящую Элинон, и вот она без сознания.

Лежала ничком на мокрых от тумана ступенях, обрывки платья едва прикрывали обожженное, все в ссадинах тело. Туман подползал, дрянной, желтушный, и тянул к ней свои жадные щупальца. И от каждого касания Федора вздрагивала.

– Пошли за доктором! – велел Грегори, склоняясь и бережно поднимая женщину на руки. Замер со своей неожиданно тяжелой ношей. Осекся. – Нет. Врачи будут задавать лишние вопросы, сами справимся. Приготовь что нужно. Ты ведь наверняка знаешь? Я отнесу мисс Крушенк в желтую спальню, там воздуха больше.

Он быстро поднялся на третий этаж, прошел коридор до конца и толкнул дверь в спальню, стараниями Алессандры и Пегги приведенную в относительный порядок. Одна из гостевых, достаточно уютная, светлая, отделанная шелком различных оттенков желтого в китайском стиле. Грегори бережно положил Федору на желтое, как и все в комнате, покрывало и замер на мгновение, глядя, как по шелку растекается кровь. Только чудом волосы ведьмы не пострадали, зато все тело было покрыто ссадинами, ожогами и черными пятнами сажи, словно она прошла сквозь огонь и дым.

Грегори колебался всего минуту, потом скинул мешающийся сюртук и принялся осторожно избавлять Федору от остатков ее одежды. От ткани пахло гарью, тухлятиной и еще приторно-сладкими цветами, погребальным залом. От этой сладости мутило даже больше, чем от гнилостной вони.

– Мы сами, сэр, – Алессандра оттеснила его в сторону. – Выйдите, прошу вас. Мы сами.

Грегори посмотрел на Федору, бледную до предсмертной синевы, с заострившимися чертами лица, на ее ожоги и ссадины, на черные пятна, на обнажившуюся грудь, где отпечатались чьи-то пальцы, и их было слишком много для человеческой руки. Отпечатались страшными ожогами. И отступил.

– Да... я... Я загляну к Дамиану.

И он вышел, прикрыв за собой дверь, и на мгновение слабости привалился к стене, лбом прижался. Как всегда, из-за Гамильтонов страдают посторонние люди. Так продолжается не одну сотню лет.

Он сделал несколько глубоких вдохов, приказал себе успокоиться и быстро, решительно дошел до комнаты Дамиана. Повернул ключ – дверь он закрыл из предосторожности – и заглянул в полумрак. Одна-единственная лампа возле постели бросала слабый свет на безмятежное лицо. Брат вытянулся во весь рост, сложил руки на груди, точно покойник в гробу. И как покойник, он не дышал, он был совершенно спокоен, ведь постоянно мятущийся, деятельный дух оставил тело. Грегори подошел и коснулся холодной, неживой руки Дамиана.

– Отдохни, пожалуйста, отдохни...

Он окинул комнату взглядом, нашел покрывало небрежно брошенным на спинку кресла, поднял его и укрыл брата. «Завтра взойдет солнце, – сказал себе Грегори. – Завтра многое прояснится и станет легче».

Вот только, раз уж речь о Гамильтонах заходит, для них солнце зачастую оказывается губительным. И не только потому, что жжет кожу Дамиана. Солнце высвечивает различные уродства, а их у Гамильтонов хватает.

– Мы обязательно найдем решение, – пообещал Грегори пустоте и вышел. И вновь запер дверь, не особенно надеясь на благоразумие брата.

– Мисс Крушенк спит.

Грегори обернулся и посмотрел на Алессандру. Передник горничной и белые манжеты были заляпаны кровью и сажей.

– Мы перевязали раны, они не так серьезны, как выглядят на первый взгляд. Но она... измучена. С чем бы мисс Крушенк ни столкнулась, это ей оказалось почти не по силам.

– Проследите, чтобы «это» не пробралось в дом, – велел Грегори. – Защищайте его любой ценой, я... Заплачу сверх того, что пообещал вам Дамиан.

На губах девушки появилась легкая улыбка.

– Ваш брат нас нанял за обычное жалованье, мистер Гамильтон. И защита дома не того рода дополнительная услуга, за которую мы берем деньги. Что же касается остального, – розовый язычок пленительно пробежался по нижней губе. – Будьте осторожнее, сэр, за такие услуги мы берем плату не деньгами, а чем-то куда более важным. Ответными услугами. Даже вашей душой.

Грегори невольно поежился, до того взгляд ведьмы-горничной стал многообещающим.

– Я не собирался вам ничего...

– Я не о нас с Маргарет, мистер Гамильтон, – шире улыбнулась горничная. – Отнюдь.

И, присев в дежурном реверансе, она пошла к лестнице.

Грегори заглянул в желтую спальню. Окно было открыто настежь, под легким ветерком штора вздымалась и опадала, словно беспокойное привидение. Ключья тумана теснились с той стороны, не решаясь коснуться подоконника; их сдерживали магические символы, вычерченные углем на оконной раме. Федора лежала на постели, до пояса укрытая простыней, обнаженная, вся изрисованная теми же колдовскими знаками.

– Ничего не трогайте, сэр, – предупредила Пегги, выходя из ванной. В руках у нее был ворох тряпья, который теперь годился только на ветошь. – Мы не знаем, с чем мисс Крушенк пришлось сражаться, так что... Если к утру знаки потускнеют, значит, она пошла на поправку. Если же станут красными...

Ведмочка не договорила, но Грегори и без того понял. Плохо будет.

– Ничего не трогайте, – повторила горничная и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Грегори огляделся. Мебели в комнате было немного: кроме широкой постели, только легкий комод, изукрашенный сценами в китайском стиле, да тонконогий столик с фарфоровой вазой на нем. Ни кресла не было, ни стула, поэтому Грегори осторожно опустился в изножии постели, стараясь не потревожить ведьму.

Мысль о том, что она обнажена, не давала ему покоя отчего-то. Должно быть, сказывались последствия чар, наложенных Дженет Шарп. Федора виделась необычайно отчетливо. При взгляде на нее, небрежно, неряшливо, кое-как одетую, нечесаную, представлялось, что под всеми этими тряпками скрывается костлявое, непривлекательное тело. Но, видимо, некрасивых ведьм просто не бывает.

Грегори с усилием отогнал видения. О чем он думает?! О чем он только думает, глядя на раненую, истерзанную женщину?! Что он за чудовище такое?!

Грегори потянулся и осторожно коснулся пальцев Федоры, на них одних не были нанесены рисунки. Хотел бы он иметь хоть толику магической силы, что мать в своих рассказах приписывала некоторым Гамильтонам, боготворимым ею чернокнижникам и некромантам. Все это сказки, понимал Грегори, достаточно хорошо изучивший мир колдунов и Теней; некромантов не существует, а чернокнижники если и существовали когда-то, давно сгинули в веках. Но в детстве от этих историй веяло страхом, да и сейчас было тревожно. И силы этой хотелось отчаянно, чтобы помочь странной, невесте за чем-то ввязавшейся в чужое дело ведьме.

– Гре... гори...

– Мисс Крушенк?! – на мгновение накатила паника. Он подался вперед, но замер, боясь потревожить знаки и просто – сделать больно раненой женщине.

Она была чудовищно бледна, под глазами залегли тени. Губы покрывала тонкая сеточка трещин.

– Пить... – попросила Федора, и Грегори незамедлительно бросился исполнять ее желание.

Горничные оставили на прикроватном столике поднос с графином и тонкостенной фарфоровой чашкой. Грегори наполнил ее водой и осторожно приподнял голову ведьмы. Федора сделала пару судорожных глотков и повалилась назад на подушку. Поставив чашку обратно, Грегори невольно посмотрел на часы. Полночь.

– Подойдите, – тихо попросила Федора. – Плохо вижу. Тяжело говорить громко.

Грегори посмотрел на постель, достаточно широкую, чтобы улечься одному с комфортом, но слишком узкую, если нужно сидеть рядом с больной, которую ни в коем случае нельзя тревожить. Тогда он сел просто на пол, локтем опираясь на матрас. Лицо Федоры, ее полные боли и тревоги глаза и истрескавшиеся губы были совсем рядом.

Одну одержимость Грегори променял на другую.

Федора подняла руку, неловко мазнула кончиками пальцев по его лбу, по щеке, поморщилась досадливо. Грегори накрыл ее пальцы своими.

– Ш-ш-ш, Федора, тише, все хорошо.

– Нет. Не хорошо. Все плохо.

Она говорила короткими фразами, с явным трудом, и Грегори хотелось велеть ей замолчать. Но взгляд ведьмы был строг. И с ведьмами всегда было бесполезно спорить.

– Следила. За Элинон. Ненастоящей. – Федора перевела дух и облизнула сухие губы. – До реки. Там она. И Кенло. И Шарп.

– Дженет была вместе с Кенло и... той? – уточнил Грегори удивленно.

– С ними. Заодно. Ваша жена. Ее больше. Нет.

Грегори отвел взгляд. Лаура. Ее облик уже почти стерся из памяти, и даже если бы Грегори попытался восстановить его, едва ли сумел бы. Словно и не было ее никогда. Сперва, околдованный Дженет Шарп, он вообще ни о чем не мог думать, кроме ее пышного, жаркого, манящего тела и соития с ней. А затем... столько всего навалилось.

– Одна оболочка, – закончила Федора.

– Что с вами произошло? – Грегори мотнул головой. – Нет, не нужно. Отдыхайте, мы поговорим завтра, когда вам станет лучше.

– Кенло. Звезды. Огонь, – пробормотала Федора полную невнятицу. Глаза ее закрылись, а пальцы, наоборот, с неожиданной силой стиснули руку Грегори.

Теперь у него не было никакой возможности уйти. Он сидел на полу, стараясь не смотреть ни на обнаженную грудь, ни на губы женщины, изучал тени в углу и на потолке. Мысли роились, теснились, и не было в них ни смысла, ни порядка.

Глава вторая

В минуту, когда город накрыла вспышка света, Дамиан ослеп, что было, в общем-то, невозможно. Он был сейчас чистым духом, так что зрения у него не было как такового, и все же вспышка ослепила его и сбила с толку.

Несколько мучительно долгих минут все тонуло в сиянии стократ ярче солнечного, горело, плавилось в нем. И это сияние вопило тысячей голосов, от боли вопило, от гнева и обиды. Невозможно было разобрать ни слова, и все же Дамиан знал откуда-то, что сияющее существо напугано.

«Все чего-то боятся, – сказал Акор, странный и страшный хранитель семьи Гамильтон. – Даже я. Даже Кенло».

Дамиан ринулся вниз, преодолевая дымы и облака, сквозь пелену дождя, рухнул со стоном в свое тело и лежал, совершенно лишенный сил, какой-либо возможности шевельнуться. Руки не поднять. Тело было тяжелым, точно могильная плита. Нужно отдохнуть. Нужно если не поспать – сон ему почти недоступен, – то хотя бы успокоиться. Лежать, давая телу восстановить потраченные силы, а духу парить над водами. Текущие реки умиротворяют. Беснующееся море укрепляет дух. Но времени нет. И так невозможно сказать, прошли ли минуты или часы с момента, когда он увидел эту вспышку. Покидая свое тело, Дамиан совершенно утрачивал способность ощущать течение времени, оно теряло какое-либо значение, переставало для него существовать.

Борясь с собственным нетерпением, Дамиан полежал немного неподвижно, потом поднялся медленно, цепляясь за столбик кровати, за столик, за стену, и дошел, слегка пошатываясь, до двери. Подергал. Заперто. Эх, Грегори, Грегори... Опустившись, почти упав, постанывая, на одно колено, Дамиан заглянул в замочную скважину, хмыкнул, вновь, кряхтя, поднялся и вернулся к постели, где небрежно брошена была на столике стопка писчей бумаги и металлическое перо. Держатель его был медным, немного вычурным, вещь эта, должно быть, принадлежала когда-то Катрионе. Протолкнув ключ, Дамиан удовлетворенно кивнул, когда он упал на листы бумаги с той стороны двери, и втянул его в комнату. Отлично.

Открыв дверь, Дамиан вышел в коридор, шагая слишком решительно и быстро, чтобы только не сдаваться слабости. Голова закружилась, и он с радостью – со стыдом пополам – оперся на подставленное Пегги плечо.

– Мистер Дамиан! – горничная всплеснула руками. – Зачем вы встали! Мистер Грегори велел вам отдыхать!

– Я взрослый мальчик и давно уже не слушаюсь Грегори, – улыбнулся Дамиан. – Где он, кстати? Где все?

Горничная попыталась уйти от ответа.

– Где все, Маргарет? – жестко спросил Дамиан.

– Мисс Элинон по-прежнему нет, а мисс Федора... она в желтой спальне. Тяжело ранена.

– Ранена?! Кем?! – на ум сразу пришло то незваное существо, что приобрело обыкновенные занимать тело Элинон. Могло оно причинить вред Федоре Крушенк?

– Мы не вполне уверены, сэр, – пробормотала Пегги. – Ваш брат с ней в желтой спальне.

Тут Дамиан мог только удивленно приподнять брови. Его брат не любил сидеть у постели больных. Еще в юные годы это смущало и тревожило его. Дело было, наверное, в том, что сам Дамиан недужил с раннего детства, и бдение возле постели превратилось со временем в тягостную обязанность. Да и все прочие Гамильтоны... Дамиану вспомнилась Катриона. Ее необходимость проводить время у постели больного сына то ли смущала, то ли злила, но она старалась в любом случае как можно реже заходить к нему в минуты приступов.

А потом бережно хранила мертвеца, не отходя и на минуту.

Возле двери в желтую спальню Дамиан замешкался, уже положил руку на дверную ручку и замер. Что-то до странного интимное было в самой мысли, что Грегори там с едва знакомой женщиной.

Дамиан постучал и осторожно заглянул в комнату, освещенную только неярким светом ночника. Глаза его быстро привыкали к полумраку, но не к зрелищу. Федора лежала на постели, и на бледной коже ее медленно таяли магические знаки. Грегори спал, сидя прямо на полу, уронив голову на край кровати и вцепившись мертвой хваткой в руку женщины. Пальцы их переплелись. Дамиан не сдержал смешка. Такого он никак не ожидал от своего не слишком чуткого и чувствительного брата.

Дамиан сделал шаг, половица скрипнула, и от этого негромкого звука Грегори проснулся. И первым делом спросил хрипло:

– Ты почему встал?

– Выспался, – хмыкнул Дамиан. Осторожно приблизившись к постели, он коснулся руки Федоры. Вторую все еще сжимал Грегори. – Что с ней?

– Пришла в таком состоянии среди ночи, – Грегори разжал наконец пальцы и поднялся, поправляя одежду. – Ожоги, ссадины. Алессандра и Пегги говорят, она с кем-то сражалась. И что ничего серьезного. Но...

– Кто же верит ведьмам, – согласился Дамиан.

– Федора сказала, что видела Кенло в компании лже-Элинора и... Дженет Шарп.

– А вот это интересно. Пошли, выпьем кофе, – Дамиан потянул брата за рукав. – Дай мисс Крушенк время восстановиться.

Спальню Грегори, которого всегда было сложно заподозрить в особой душевной теплоте, покидал с большой неохотой. Братья спустились вниз, в малую гостиную, куда Алессандра принесла кофейник и нехитрый завтрак: булочки с маслом, немного ветчины и апельсиновый конфитюр. Дамиан, прежде чем сесть к столу, бросил взгляд на часы. Три часа утра. Дурной час.

– Тебе нужно отдыхать, – проворчал Грегори, разглядывая брата в упор.

Серебряный кофейник отразил не самую привлекательную картину: бледное, осунувшееся лицо, синие тени под глазами, покрасневшие веки, складка на лбу.

– Я бы с радостью, – вздохнул Дамиан. – Вот только не отдыхается что-то. В Лондоне такое творится...

Грегори вскинул брови, и Дамиан рассказал об увиденном. И братья надолго замолчали, обдумывая происходящее. Ни один из них не верил в совпадения. Совпадения хорошо объясняют положение вещей, когда ты – обычный человек. Всякий, пересекший границу теней, знает, что почти любая закономерность подстроена, имеет смысл, имеет свою задачу. И главное, если некие странные события происходят одновременно, они непременно взаимосвязаны.

– Федора столкнулась с Кенло и вернулась вся в ожогах... – протянул Грегори.

– Над Лондоном чудовищное сияние тысячи солнц, – закончил за него Дамиан. – И целый легион воплей. У нас, кажется, появился шанс понять, чего же боится Кенло...

– Вот только теперь у нас проблем в три раза больше, – проворчал Грегори, откидываясь на спинку стула. Кофе горчил, и это заставляло его морщиться. Впрочем, наверное, не в кофе было дело. Он-то горек всегда. – Федора ранена, Лаура... Федора сказала, что от нее ничего не осталось, кроме оболочки. Теперь это – Кенло, и мы все еще не знаем, как с ним сладить. Элинора с ними, и сейчас нам ее не вернуть. И Дженет Шарп...

– У которой твой перстень, – добавил Дамиан. – Ну же, выше нос, Грегори! Любую проблему можно решить. Нужно только подумать, с какой начать, и действовать поступательно и без лишней спешки.

Для Дамиана первоочередным было спасение Элинора, но об этом он умолчал. Он не знал пока, как же изгнать ту, что заняла тело, и как от нее обезопасить Линора в дальнейшем. Разве

что не отпускать от себя и караулить днем и ночью. Мысль эта показалась неожиданно привлекательной, и вспомнилось, как лежали они рядом на одной кровати. Дамиан, не очень хорошо различающий температуры, ощущал исходящее от тела молодой женщины тепло, купался в нем. Воображение понеслось вскачь, и Дамиан приказал себе остановиться. Ничего не будет. Не для него это. И не для Элинор тьма, сквозь которую идет Дамиан.

– Вкратце задачи наши таковы, – деловито проговорил он. – Мы должны вернуть Джеймса и Элинор, сделать так, чтобы Кенло оставил нас в покое, и избавить тебя от чар Джениет.

– Все куда сложнее...

Дамиан повернулся на голос. Грегори, на чьем лице была чудесная смесь тревоги и возмущения, вскочил на ноги.

– Мисс Крушенк! Зачем вы встали?!

Бесстыжая, как все ведьмы, Федора стояла почти нагая, завернутая в простыню, точно в античную тогу. Стоило ей пошевелиться, и то бедро появлялось в разрезе, то грудь с бледными следами магических знаков. Федора, кажется, и не замечала своей наготы. Впрочем, на ногах она, судя по всему, стояла только благодаря своему упрямству, тоже ведьминскому.

– Сядьте, немедленно! – потребовал Грегори, толкнул женщину в кресло и вышел. Вернулся спустя минуту, чуть запыхавшийся, с халатом в руках. – Наденьте.

Мужчины отвернулись, замерли, вслушиваясь в шорох ткани. Грегори, кажется, очень хотелось обернуться и взглянуть на ведьму. Дамиан задумчиво изучал циферблат каминных часов. Стрелка двигалась к четверем утра.

– Я одета, – пробормотала Федора. – Можете не смущаться более.

В мужском халате она выглядела удивительно притягательной. Наверное, подумалось Дамиану, здесь срабатывают какие-то примитивные инстинкты. Мужчина видит женщину, облаченную в его одежду, и начинает чувствовать всю ее тоже своей. Впрочем, это был халат Грегори. А женщина совершенно определенно – своя собственная.

Дамиан вернулся к столу и налил себе еще кофе.

– Итак, мисс Крушенк, с чем еще нам придется иметь дело?

* * *

Все тело ее болело, но Федора встала с постели и, кутаясь в простыню, спустилась вниз. Презабавно краснеющий Грегори Гамильтон принес ей халат, мягкий, пахнущий табаком и чабрецом. В нем Федоре было удивительно уютно, как часто бывает со старыми, любимыми кем-то вещами. Дамиан подал чашку кофе. Федора предпочла бы чай с корицей и капелькой меда, но младший Гамильтон, кажется, чай не признавал вовсе. Медленно потягивая кофе, то и дело переводя дух, она рассказала об увиденной встрече, постаралась слово в слово передать разговор. Дамиан все больше мрачнел, а когда она дошла до столкновения с Кенло один на один, подскочил с места и принялся ходить по комнате. У него самого сил было не больше, чем у Федоры, поэтому мужчина то и дело останавливался, чтобы передохнуть. На третьем круге он уgomонился наконец и опустился в кресло напротив Федоры.

– Итак, Кенло что-то задумал, и это что-то «почти готово»?..

– Получается, что так, – кивнула Федора. – И он жаждет получить вас, Дамиан. Душу, по крайней мере. На ваше тело уже заявила права миссис Шарп.

Грегори снова слегка покраснел. Он забавлял этим Федору неимоверно. Взрослый мужчина, опытный, в его постели наверняка побывала не одна женщина, в том числе были и ведьмы. И все еще краснеет по пустякам!

– Проку же ей будет от моего тела, – проворчал Дамиан. Откинувшись на спинку стула, он прикрыл глаза. – Странное что-то выходит... Буйабес какой-то. Терпеть не могу буйабес.

– Все вполне логично, – качнула головой Федора и принялась загибать пальцы, они единственные нормально двигались, тогда как все тело ныло от малейшего движения. – Кенло вы зачем-то понадобились, и помощь Дженет тут как нельзя кстати. Ей ведь удалось забрать перстень, залог вашей защиты. Только Элинор выбивается из общей картины, но и тут должна быть связь. Я не верю в совпадения.

– А Джеймс? – Грегори тоже вскочил и принялся расхаживать по комнате. Он был полностью здоров, и потому стремителен и несколько неосторожен, и чуть не разбил вазу с цветами. – Зачем Кенло мой сын?

– И убийства, – вставил Дамиан.

– Многие заклинания и ритуалы творятся на крови, – пожала плечами Федора и сразу же пожалела об этом движении. Тело отозвалось новой вспышкой боли.

– То, что вы сделали, мисс Крушенк, причинило Кенло сильную боль... – задумчиво проговорил Дамиан, потянувшись за новой чашкой кофе и аккуратно уводя разговор прочь от крови и от маленького Джеймса.

Федора бросила короткий взгляд на Грегори и приняла правила игры.

– Я всего лишь прыгнула в жерло вулкана, мистер Гамильтон.

– Как Элинор, когда выбиралась в первый раз из своего зачарованного мира... – Дамиан задумчиво закусил губу. – Что-то в этом есть знакомое, очень знакомое... Прошу меня простить, нужно поговорить с Франком. А вы отдыхайте, мисс Крушенк.

И Дамиан вышел, оставив их с Грегори наедине. Теперь уже Федора отчего-то смутилась. Ночь Гамильтон провел у ее постели, а такое нечасто бывало. И в постели-то ее мужчины редко задерживались, Федора не любила делить с кем-то свою жизнь.

– Может быть, вам лучше лечь? – предложил неуверенно Грегори. Отчего-то все мысли и разговоры начали вдруг вращаться вокруг кровати.

– Нет, вовсе необязательно, – отозвалась Федора. – Я прекрасно себя чувствую. И хотела бы чашку чая с корицей.

Грегори посмотрел на кофейник и улыбнулся.

– Дамиан не любит чай с детства. Сейчас распоряжусь, чтобы вам принесли.

Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь, и Федора перевела дух. На самом деле ей было ужасно плохо, ей хотелось вернуться под одеяло и проспать или хотя бы пролежать неподвижно несколько лет. Но она не привыкла сдаваться, проявлять слабость. Стоит сделать это единожды, и вскоре ты и в самом деле станешь слабой. Поэтому Федора выпрямила спину, положила руки на подлокотники и застыла, пытаясь саму себя убедить, что все в порядке. И просидела неподвижно до самого возвращения Грегори.

Рука, когда Федора брала с подноса чашку, дрожала, и немного чая выплеснулось на блюдце.

Грегори сел рядом, пристально следя за каждым ее движением.

– Вам все же стоит пойти в постель, мисс Крушенк.

– Только если с вами, – съязвила Федора, делая глоток чая. Коричневая пряность прояснила мысли и придала сил.

– Не думаю, что вы сейчас на что-то способны, – едва заметно улыбнулся Грегори. – Идите в постель, набирайтесь сил. Я попытаюсь хоть что-то еще выяснить о прошлом мисс Кармайл.

– Как? – Федора действительно устала, и последнее короткое слово отняло у нее непропорционально много сил. Она поспешила поставить чашку на столик, боясь ошпариться.

– Я знаю человека, который, кажется, был знаком с ее отцом.

– Что ж вы раньше-то молчали? – спросила Федора не без яда. Ей было больно, тошно, и в такие минуты особенно трудно было сдерживать свой дурной характер.

Грегори отвернулся и почти наверняка покраснел. Что ж, ему явно не делало чести поведение в последние дни и то, что все важные вещи вылетали из головы, точно пух одуванчика. Но Федора предпочла промолчать, не сыпать соль на раны и не напоминать о конфузе с Дженет Шарп. А еще она оказалась слишком слаба для саркастических усмешек и долгих разговоров. Сквозь зубы прорвались-таки сиплое дыхание и слабый стон.

Грегори глянул на нее с тревогой.

– Сперва, мисс Крушенк, я все же отведу вас наверх, в спальню. И не смейте покидать ее до моего возвращения. Или мне придется вас запирать, как Дамиана.

Федоре хотелось спорить, она предпочитала, чтобы за ней оставалось последнее слово. Но на это совсем не было сил. Поэтому она покорно кивнула, поднялась и, опираясь на руку Грегори, пошла наверх.

* * *

Элино́р давно зареклась сравнивать себя с литературными героинями. Не было в ней ничего от маленькой, решительной Джен Эйр, от порывистой Кэтрин Морланд¹ (хоть Кэти ей и нравилась), да и от любой другой «книжной» девушки. Но вот сейчас она совершенно точно была Алисой, летящей в свою кроличью нору. Голова кружилась. Перед глазами клубился туман. Если глазу удавалось-таки уловить что-то, осознать пространство вокруг, оно искажалось в то же мгновение, точно отраженное в старинном вогнутом зеркале, и приобретало коричневато-золотистый оттенок. Получилось, поняла Элино́р. Зеркало помогло. Да вот только как действовать дальше, ни Шармила, ни тем более Нистра не сказали, и сложно было отделаться от мысли, что это новая ловушка. Нистра хочет, чтобы Элино́р осталась с ней. Так не заперла ли она свою подругу в этом чуждом бронзовом мире?

Элино́р задержалась, силясь ощутить свое тело, и не сразу вспомнила, что тела у нее нет теперь вовсе, а есть лишь... душа? Разум? Что за субстанция парит сейчас в зазеркалье?

Нужно придумать что-то. Отец говорил – нечасто, когда снисходил до своей дочери, – что разум единственная настоящая сила всякого человека. Если силен его разум, будет сильно в конце концов и тело. Однажды он обмолвился, что по-настоящему сильный разум даже может обмануть смерть.

Смерть – не смерть, но страхи свои побороть требовалось.

«Это сейчас мой мир, – сказала себе Элино́р. – Я владею здесь всем. Я могу попасть, куда мне нужно. Я могу передать весточку друзьям». Само это слово «друзья» было странным, непривычным, но впервые Элино́р на нем не споткнулась. У нее действительно были друзья: Дамиан, Федора Крушенк, даже Грегори Гамильтон. На них Элино́р могла – и собиралась – положиться.

Чуда никакого не произошло, вообще мало что поменялось, на первый взгляд. Просто в какой-то момент падение замедлилось, потом и вовсе прекратилось, и она зависла. Туман медленно рассеивался. Где-то тихо плескалась вода, стесненная каменными стенами. Пахло рыбой, водорослями, корицей, нагретой солнцем черепицей, вином и сыром. Так пахли для Элино́р картины Каналетто², и она не удивилась, когда туман окончательно рассеялся и она увидела под собой и вокруг себя каналы Венеции. Солнце садилось медленно, окрашивая воду алым, точно кровь растекалась.

Наверное, подумалось Элино́р, если ты хочешь поговорить с кем-либо во сне, следует четче формулировать свои желания. Недостаточно просто захотеть оказаться как можно

¹ Героиня романа Джейн Остен «Нортенгерское аббатство».

² Каналетто – итальянский живописец, известный своими пейзажами с изображением Венеции и ее каналов.

далее от пустого нарисованного дома. Впрочем, своя логика тут была: совсем недавно они с Федорой говорили об Италии, и вот – она мысленно перенеслась в Венецию.

Не успев толком додумать эту мысль, Элиносор сорвалась вдруг, полетела вниз с такой скоростью, что в ушах загудел ветер. Удара о холодную гладь канала не последовало. Как бывает во сне, картинка вдруг сменилась, и Элиносор обнаружила, что стоит посреди комнаты. Стены ее покрыты изящными фресками, на деревянный пол небрежно брошен персидский ковер. Все неуловимо дышит Италией, как представляется она жителям иных стран. Эта воображаемая Италия едва ли имела с реальной хоть что-то общее, но она несомненно была напоена южным солнцем, пряностями и каким-то нездешним восторгом.

А потом Элиносор услышала крик и сама вскрикнула от неожиданности.

– Силы Небесные! Вы меня напугали!

Элиносор медленно обернулась, не зная, что увидит за спиной. Она уже привыкла к тому, что в мире можно столкнуться с любым чудовищем и что чудовищ этих значительно больше, чем людей.

Перед ней стояла пожилая, за пятьдесят, удивительно английская леди. Таких она не раз встречала в провинции: аккуратных, тихих, застенчивых. У них всегда была очаровательная улыбка, тихий голос, джем в кладовой, томик псалмов или комментированных проповедей в руке и целая корзинка с вязанием, вышивкой или еще каким-нибудь рукоделием, обязательно выполненным изысканно и искусно. Они сплетничали о самых безобидных вещах с таким видом, словно обсуждают нечто поистине бесстыдное.

Впрочем, леди, которая рассматривала Элиносор в ответ, обладала удивительно цепким взглядом. Внимательным. Даже жутким.

– Необычно, – вынесла она вердикт, когда закончила осмотр. – Не помню, чтобы кто-нибудь чужой заходил в мои сны. Кто вы, дитя?

– Я... – у Элиносор неожиданно пересохло в горле. Правила вежливости предписывали назваться, сделать реверанс – астральный, надо полагать – и удалиться восвояси. Но что-то было в этой пожилой леди, что призывало все правила игнорировать. Или это в самой Элиносор сидело? – Кто вы такая?

Леди снова осмотрела ее, приподняла брови, и в глазах мелькнул огонек интереса.

– Что ж, у *вас* есть право спрашивать. Меня зовут Сорча, и я весьма уважаемая потомственная ведьма.

Элиносор стало стыдно за свой дерзкий тон, и она все же сделала реверанс, опустив глаза в пол.

– Элиносор Кармайкл, мэм.

– И что вам от меня нужно, мисс Элиносор Кармайкл?

– Я... – Элиносор смутилась еще больше. – Почему вы решили, что мне от вас что-то нужно?

– Дорогая моя, – снисходительно улыбнулась Сорча. – Это маги вызывают духов для праздной беседы, но никак не наоборот.

– Я не дух.

– Если вам так угодно, милая. Так что вам нужно?

– Я... я не знаю... – Элиносор обнаружила, что вот-вот расплачется, впервые за долгое время. Расплачется отчаянно, размазывая слезы и сопли, отвратительно просто и жалко. Она опустила в кресло и стиснула его резные подлокотники. – Я, кажется, в огромной беде.

И, начав говорить, Элиносор уже не смогла замолкнуть. Она все говорила и говорила обо всем, что происходило с ней в последние дни, недели, годы, об истончившейся реальности, в которой произошедшее взаправду мешалось с воображаемым так, что и не отодрать. О Нистре. О сеансе тетушки Эмилии, после которого память вдруг стала точно покрываться плесенью. Обо всех странностях жизни. О не-Элиносор. О братьях Гамильтонах. О Дамиане. Прежде, чем

она сообразила, что говорит о нем слишком много, Элинонр выложила уже все, что лежало на душе. А Сорча слушала. У нее к этому был настоящий талант. Сорча слушала, сидя напротив, и спицы, взявшись невесть откуда, мелькали в ее руках, а на пол стекало что-то воздушное и мерцающее.

– Гамильтоны, значит, – проговорила Сорча, когда Элинонр наконец иссякла. – Что ж, я поняла твою проблему. Ты застыла в... назовем это Лимбом, мне этот вариант кажется весьма подходящим. Ты не можешь вернуться в свое тело, ты даже не знаешь, где оно находится. Пожалуй, самое разумное решение – занять чье-либо другое тело.

– Нет! – в ужасе вскрикнула Элинонр. – Я не смогу! И это... это отвратительно!

Сорча хмыкнула несколько удивленно.

– Занятно. Что ж, второй вариант. Ты должна передать весточку своим Гамильтонам. Пусть они изловят ту, как ты называешь, «не-Элинонр» и сделают что-нибудь.

– Последний раз Дамиан чуть не удавил меня, – проворчала Элинонр и безотчетно подняла руку к горлу. Дамиану в тот раз пришлось хуже, но ее все еще охватывал липкий страх при воспоминании. – К тому же, я совершенно не представляю, как мне это сделать. И как им сладить с... с той.

– Тогда тебе нужно выбирать самой и забрать свое тело.

Элинонр содрогнулась.

– Это тем более невозможно.

– О, дитя, в этом мире не так уж много невозможного. Две души могут ужиться в одном теле. – Сорча отвлеклась на мгновение, считая петли, и продолжила невозмутимо. – Но они, конечно, должны пребывать в согласии, а такое случается нечасто. К тому же, соглашаться, смирать себя всегда должен тот, кто сильнее.

– Та точно не согласится, – пробормотала Элинонр.

Сорча снисходительно улыбнулась.

– Дитя, а почему ты думаешь, что она сильнее, а не ты? Еще один вариант предполагает, что душа войдет в мертвое тело. Свое собственное, бывали и такие случаи, или же чужое.

Элинонр содрогнулась.

– Мое тело очень даже живое!

Сорча положила вязание на колени – бросила на середине ряда, сложила руки поверх него и посмотрела на Элинонр внимательно.

– Тогда остается последний вариант, но он потребует от тебя всего твоего мужества и понимания, что это может быть навсегда. Покинь свой Лимб, не цепляйся за его безопасность и за своих друзей. Просто уйди, выберишься в реальный мир и будь там бесплотной тенью, пока не подвернется случай вернуть себе плоть.

На этот раз подавить дрожь не удалось, и она сотрясла все тело Элинонр. Даже здесь, во сне, или в том воображаемом мире с его коридорами, ромашковым чаем и комнатами, обставленными памятью, она чувствовала свою материальность. Она была ощутима, и мир вокруг был осязаемым. У всего были вес, плотность, объем, вкус и запах. Элинонр до боли стиснула руки, чувствуя, как вонзаются в ладонь ногти.

– Я не уверена...

– Жизнь сама по себе – прыжок в неизвестность, дитя мое, – заметила Сорча. – Младенец в утробе не знает, что там, за порогом рождения. Девочке кажется, что взросление сродни смерти. Брак... О, стоя у алтаря, ты совершенно не представляешь, что тебя ждет. Я так лично тряслась всю ночь перед свадьбой, хотя и любила моего дорогого Артура всем сердцем. И поверь, брак – неизведанная территория, настоящее топкое болото, даже если до этого ты уже успела утратить девственность и кое-какие иллюзии. Что бы ты ни делала, девочка, ты не можешь предсказать результат с абсолютной точностью. Больше того, даже видя результат, ты не можешь быть уверена, что сделала прежде правильный выбор. Взять хотя бы меня: много

лет назад я отреклась от своей старшей сестры, наши пути разошлись. За истекшие годы мы обе успели родить детей и на совершать уйму глупостей. И вот мы сидим сейчас с тобой, и я все еще не знаю, правильно ли тогда поступила? И был бы результат лучшим, если бы я тогда протянула ей руку помощи. Любое действие, дитя мое, это сделка с неизвестным. Просто прими решение.

Элино́р облизнула губы.

– Спасибо, я...

– Тебе пора. – Сорча поднялась. Вязание исчезло. Стены дома стали прозрачными, но за ними была не Венеция, как того ожидала Элино́р, а лишь чернота. – А мне пора просыпаться. У меня сегодня насыщенный день, я обещала показать невестке – у меня прелестная невестка, знаешь ли, – город.

Элино́р тоже поднялась, продолжая стискивать кулаки. Боль помогала хоть как-то держаться. Было страшно.

– Однажды мы встретимся наяву, дитя, и ты расскажешь, что за решение приняла и каковы были последствия. А пока – иди.

И Элино́р вновь рухнула в пустоту.

Глава третья

В клубе царил привычный, немного сонный покой. Джентльмены, заняв массивные, кожаные с тиснением кресла, курили сигары, листая свежий номер «Таймс», или же обменивались сплетнями и вели обычные свои разговоры: об охоте, политике, международной обстановке, гребле, свеженьком личике в мюзик-холле (об этом, конечно, шепотом и только между близкими друзьями, сохраняя видимость приличий). Всего этого Грегори не любил. У него не было охотничьих собак и политических убеждений, он не занимался финансами, не заводил любовниц и не переносил сплетен. Все, что было у него, – огромное состояние Гамильтонов и, как он сейчас понимал, потрясающе скучная, лишенная всякого смысла жизнь. Из всех членов клуба в конце концов Грегори выбрал себе однажды в товарищи Коркорана – человека столь же скучного или, во всяком случае, закрытого. Чем командер занимается и почему посещает этот клуб, а не собрание отставных офицеров, Грегори никогда не спрашивал, ценя в Коркоране умение промолчать и отвечая тем же. Коркоран давно вышел в отставку, он не принадлежал к знати, точно так же не занимался финансами и политикой, не был заметной фигурой хоть где-то, и Грегори чувствовал с ним некоторое родство.

Смущала только лишь памятная драка перед театром, и сейчас Грегори испытывал огромную неловкость и стыд, и это было новое для него чувство.

Грегори справился о командере у одного из лакеев. Молодой человек сообщил, что видел сегодня Коркорана, но не представлял, где именно в клубе он расположился, и после задал самое общее направление: где-то там. Долго юноша на этом месте не задержится. Грегори даже подумал на него пожаловаться, но лакей исправился: открыл шкатулку и протянул небольшой конверт.

– Мистер Сконтти отыскал кое-что для вас и настоятельно просил передать. Я собирался уже послать к вам курьера, сэр.

Грегори взял с подноса нож, вскрыл конверт и посмотрел на несколько строчек, написанных Сконтти, старшим лакеем клуба. Александр Смартсон, нынешний адрес проживания. Смартсон? Смартсон...

Точно! Тот молодой человек, который присутствовал на спиритическом сеансе Эмили Кармайл! Совершенно вылетело из головы, что они разыскивали этого человека.

– Благодарю, – кивнул Грегори, убрал адрес в жилетный карман и отправился на поиски командера.

Пройдя через анфиладу комнат, он отыскал Коркорана в курительной, где тот читал возле камина французскую газету; а также, к своему немалому неудовольствию, лорда Д. и его доброго приятеля виконта С., точно такую же паскуду.

– А-а, дорогой Гамильтон! – за показным добродушием, даже радушием виконта С. крылся жадный интерес. – Давно мы вас тут не видели, милейший Гамильтон!

Лорд Д., насколько позволяли приличия, подался вперед, надеясь уловить свежую сплетню. Как всегда: он мог бы, наверное, отказаться от воды и сна, но не от пикантных историй, которые потом пересказывались загадочным шепотом, с изменением имен, конечно, но так, чтобы собеседник непременно понял, о ком идет речь. Грегори попадать в эти истории не хотелось совершенно.

– Как поживает ваша супруга, Гамильтон? – внешне так невинно поинтересовался лорд Д. Он, конечно, давно уже понял, что Лаура сбежала, и это знание, понимание унижения, полученного товарищем по клубу, согревало его.

– Все так же нездорова, – ответил Грегори сдержанно. – Доктор запрещает ей пока возвращаться в Лондон.

– Недуг не физический, насколько я понял? Уж простите, Гамильтон, но в обществе гуляют сплетни...

– В обществе всегда гуляют сплетни, – сухо вставил Коркоран, не отрываясь от чтения газеты.

– Я, впрочем, не удивлен, – продолжил лорд Д. Невозмутимо, словно бы не слыша комментариев командера. – Женщины, по моему наблюдению, – скорбные умом создания, склонные к истерикам, обморокам, совершенно неспособные употребить свой рассудок на что-то полезное. Те же, кто пытается это сделать, быстро оказываются в Бедламе.

Грегори с трудом подавил дрожь отвращения. Отвращения к этому чудовищу в весьма привлекательном человеческом обличье и к себе самому, потому что мысль о сумасшествии Лауры вдруг стала необычайно привлекательна. Найти ее опустевшую оболочку и упечь в клинику для умалишенных. И забыть обо всем.

Коркоран с шумом поднялся, сложил газету и бросил небрежно:

– Идемте, Гамильтон. Я вам, помнится, должен обед.

Грегори ухватился за эту возможность покинуть ставшую вдруг тесной комнату и, коротко поклонившись, вышел за командером. В коридоре Коркоран обернулся.

– Извините, Гамильтон, мне был срочно нужен повод уйти, пока я не свернул шею этому ничтожеству. Он переходит всяческие границы.

Грегори медленно разжал кулаки, только сейчас поняв, что несколько минут судорожно стискивал их, борясь с желанием ударить лорда Д. Коркоран и сам в присутствии Грегори высказывался порой о женщинах – да и причиной их драки была Дженет Шарп, – но никогда не позволял себе подобных оскорблений, оставаясь строго в рамках установленных приличий.

– Я вам благодарен, Коркоран. Боюсь, я сделал бы то же самое. Я... Это большая удача, я пришел в клуб, чтобы поговорить с вами.

Это Коркорана удивило, и скрывать свое недоумение он не стал. Этим он, пожалуй, и нравился Грегори: своей откровенностью, грубоватой честностью.

– Идемте. Сегодня карри, – Коркоран едва заметно поморщился, только этим и выдав свое отношение к безвкусному карри, что готовили в клубе, – но я знаю место, где подают отличное рагу.

“Отличное рагу”, как оказалось, подавали в пабе в паре улиц от клуба. Здесь было шумно,людно, пахло при этом отменно приготовленной едой, и мало кто обращал внимание на пару хорошо одетых джентльменов. Местные жители обладали, кажется, весьма избирательным зрением.

– Так о чем вы хотели поговорить, Гамильтон? – поинтересовался Коркоран после того, как заказ был сделан и принесено очень недурное свежее пиво.

– Помните, вы рассказывали о корабельном капеллане по фамилии Кармайкл?

Коркоран удивленно вскинул брови.

– Странные у вас, как всегда, интересы, Гамильтон.

– Это... один частный момент, командер. Мне бы не хотелось его сейчас обсуждать, это касается третьего лица. Но я был бы вам весьма благодарен за помощь. У него была семья? Кажется, вы упоминали сестру?

Коркоран пожал плечами.

– Все верно. Эмилия; так ее, помнится, звали. Медиум, – губы командера тронула усмешка. – Тогда это в очередной раз было в моде, и она много кому гадала, хотя, конечно, предпочитала содержать салон в Лондоне. Здесь всегда хватало легковых бездельников. Впрочем, должен признать, на фоне иных медиумов Эмилия Кармайкл выделялась. Я даже готов поверить, что у нее был некий... дар. Она умела давать правильные ответы на незаданные вопросы.

– А дети у него были?

– Понятия не имею. Он не слишком-то откровенничал. Может быть... – Коркоран нахмурился. – Да, вроде бы у него была дочь. Во всяком случае, он покупал иногда вещицы, которые могут понравиться девочке.

Грегори посмотрел на принесенное рагу. Картина складывалась причудливая.

– Вы тогда сказали, он странно умер...

Взгляд Коркорана был беспощадно цепким, точно крюк, и Грегори явственно ощущал, как его насаживают на этот крюк. Командер собирался вытащить его душу, изучить намерения.

– Что у вас за интерес, Гамильтон? Конкретное дело? Или, подобно лорду Родрику, вы собираете досужие сплетни?

– Вовсе нет! – Грегори нахмурился и продолжил, тщательно подбирая слова. – От этого может зависеть жизнь человека. Людей. Близких мне людей. Командер, я готов поклясться, что сказанное вами умрет вместе со мной.

Коркоран удивленно хмыкнул.

– Что ж... Это было, наверное, уже лет десять назад. Кармайкл ни с того ни с сего просил об отставке, сделался ужасно нервным, все путал. И постоянно с кем-то обменивался телеграфными сообщениями. Он был человек замкнутый, одинокий, и только поэтому все это мне врезалось в память. Отставку ему не дали, в то время у нас была некоторая нехватка толковых... да хоть каких священников, признаться. Тогда он испросил отпуск, уехал куда-то... в Шотландию, кажется. Во всяком случае, на север. А когда вернулся спустя недолгое время, заперся в каюте. Совершенно обезумел, издавал какие-то дикие крики, никому не открывал. Крики его стихли дня три спустя, мы выломали дверь и нашли его лежащим на полу. Он умер то ли от истощения, то ли от нервного припадка, не знаю, я не врач. Слухи, конечно же, бродили, что от испуга.

Кусочки мозаики складывались воедино, ложились друг за другом уж больно гладко. И начинала уже проступать картина, которую Грегори не хотелось видеть. Зловещая. Сумрачная. Совпадения, падая одно к одному, в ряд, становились закономерностями. Кармайкл, у которого была сестра-медиум по имени Эмилия и, вроде бы, дочь. Поездка в Шотландию. Наверняка в Шотландию, а не просто куда-то на север. Десять лет назад. Все вращалось, не переставая, вокруг двух зачатых дат: 1878 и 1881 годов.

– Вы говорили, Кармайкл ездил в Шотландию... – К своему неудовольствию, Грегори обнаружил, что голос его сел. – Вы не знаете, куда именно?

Коркоран покачал головой.

– Нет, Гамильтон, увы. Я даже не уверен, что это была Шотландия, а не, скажем, Нортумберленд. Или Ланкашир. Я и запомнил-то всю ту историю только из-за того, что поведение было для Кармайкла слишком необычным, даже странным. Это важно?

– Да, – ответил Грегори. – Не знаю. Благодарю вас, Коркоран. Вы очень помогли.

Командер улыбнулся.

– Едва ли, Гамильтон. Судя по вашему лицу, я вам могилу выкопал.

Грегори передернуло.

Совпадений не существовало, и судьбы сплетались в один сплошной клубок. И по всему выходило, что единственным человеком, к которому мог ездить десять лет назад – в самый год пробуждения Дамиана – капеллан Кармайкл, была их мать, Катриона Гамильтон. Женщина, не гнушающаяся ничем для достижения своей цели.

* * *

Франка Дамиан отыскал в библиотеке, где мальчик продолжал разбирать книги, раздраженно пофыркивая и поминутно сдувая падающую на глаза челку. Подумалось с нежностью и грустью, что Франк растет, из жестов пропали и детская мягкость, и подростковая резкость, они

становились все более уверенными, отмеренными, тщательно просчитанными. Манеру двигаться, экономя силы, мальчик перенял от Дамиана.

Ему четырнадцать. Дамиану отчаянно хотелось, чтобы у Франка была полная, настоящая жизнь, чтобы он не хоронил себя с живым трупом в ночном мраке. Но как быть, если этот «труп» – единственная защита?

То ли услышав шаги, а то ли почувствовав Дамиана, Франк обернулся.

– Maitre. Я просмотрел дневники Джошуа Гамильтона, и вы совершенно правы, их очень серьезно отредактировали. Последняя запись в 1810 году, например, это черновик письма, в котором он сообщает о гибели в Испании Барнабаса Леру его родственникам в Кембридже. А следующий том открывается записью за 1812 год, описанием садового приема у его родителей в имении.

Дамиан взял книжицу и повертел ее в руках.

– Логично предположить, что в годы войны прадядюшка вел свои записи нерегулярно... Да и, полагаю, о многом писать просто не позволялось. Может быть, поэтому их впоследствии так подчистили?... – Дамиан покачал головой и опроверг собственные слова: – Совершенно не в характере какого-либо Гамильтона идти на поводу у кого-то. Значит, Джошуа – или кто-то еще – убрал некие... черт его знает! Компрометирующие записи?

Дамиан снова покачал головой и отложил книгу.

– Оставь это до лучших времен и помоги мне, радость моя. Где я мог читать что-то о встречах с демонами, нестерпимом жаре, пылающем огне и всем подобном?

Франк нахмурился, припоминая.

– Это... определенно где-то было, Maitre, но... странно...

Мальчик потемнел лицом, между бровями его залегли глубокие складки. Прикусив губу, Франк зажмурился и тихо застонал.

– М-м-м... Не знаю...

Это прозвучало совершенно ошарашено. Франк, с его невероятной памятью, хранящей каждую прочитанную книгу, не мог вспомнить ни слова! Это было по-настоящему удивительно.

– Но определенно, у нас в библиотеке говорится о чем-то подобном, – быстро проговорил мальчик, словно желая исправить.

Дамиан потрепал его по голове и улыбнулся.

– Добро пожаловать в мир обычных людей, mon cousin. Примерно с этого места мы и приступаем ко всем поискам. Давай рассуждать логически. Демоны?

– Средневековая демонология, – отрапортовал Франк и метнулся к столу, с которого прихватил сразу несколько книг.

– Прибавь сюда нестерпимый жар, который они источают.

Франк посмотрел на книги в своих руках и после минутного размышления вернул несколько на стол. Дамиан пролистал оставшиеся. Пусто. Франк, привстав на цыпочки, заглянул ему через плечо и проговорил немного удивленно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.